

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ ГОРИЛЛЫ.
ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ (стих.).
ДЯДЯ-ПОЛКОВНИКЪ (повѣсть).
МАЛЕНЬКАЯ ЖАННА.
ВЪ ОСЕННИИ ДОЖДЬ (стих.)
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... Я рѣвился, влѣзалъ на дерево и, отломивъ отъ него вѣтку, долго просиживалъ съ нею въ раздумѣ на стволѣ.

ЗАПИСКИ ГОРИЛЛЫ.

Я родился въ западной Африкѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ экваторъ и гдѣ идутъ сильныя періодическіе дожди. Благодаря этимъ дождямъ, тамъ растутъ громадныя тропическіе лѣса, которые въ ясную погоду бываютъ такъ роскошны, что ихъ красоту невозможно описать. Мои родители очень любили меня. Каждый день они выводили меня къ рѣкѣ умываться. Я отлично помню, какъ мы сядились на бережку и какъ рядомъ съ нами присаживались также и другія гориллы съ грудными младенцами и начинали умывать и ихъ. Очень занятное зрѣлище представляютъ собою гориллы-матери, когда собираются гдѣ-нибудь у берега рѣки и принимаютъ купать своихъ ребятъ. Онѣ зачерпываютъ воду руками и точь-въ-точь, какъ человѣкъ, моютъ своимъ дѣтямъ мордочки. При этомъ мы, дѣти, пищимъ, криваемся и очень напоминаемъ собою въ этомъ отношеніи дѣтей человѣка. Кажется, ни одно созданіе въ свѣтѣ не умѣетъ такъ нѣжно ухаживать за своимъ ребенкомъ, какъ горилла.

— А теперь идите играть! говорили намъ матери послѣ умыванья.

Мы, какъ школьники, выбѣгали на лужайку и затѣвали какую-нибудь общую игру. Наши родители

сидѣли при этомъ въ сторонѣ и съ серьезнымъ видомъ любовались нами. И стоило только кому-нибудь изъ насъ сплутовать или обидѣть кого-нибудь въ игрѣ, какъ мать бросалась къ обидчику и безъ церемоніи давала ему подшлепника.

Въ лунныя ночи мы долго не ложились спать. Вообще обезьяны такъ радуются лунному свѣту, что не спятъ по цѣлымъ ночамъ. Въ такое время онѣ затѣваютъ далекія прогулки, или-же садятся на землѣ рядкомъ и начинаютъ пѣть. Рѣвъ гориллы показался бы вамъ страннымъ, но мы слушали его съ увлеченіемъ. Одна горилла среди насъ считалась даже большою артисткой: она могла пѣть цѣлую гамму снизу вверхъ и сверху внизъ. Этого не можетъ сдѣлать, кромѣ человѣка, ни одно живое существо. Иногда, чтобы позабавить меня, мои родители брали въ руки сухія палки и стучали ими одна о другую такъ, что было похоже на музыку. Вообще дѣтство мое протекло-бы вполне счастливо, если-бы не случилось вдругъ событія, сразу измѣнившаго нашу жизнь.

Однажды мой отецъ отправился въ глубину лѣса, чтобы добыть для меня плодовъ. Мы питаемся только плодами и никакого мяса

не ѣдимъ. Оно отвратительно для насъ. И вотъ я и мать услышали вдругъ выстрѣлъ. Мы испугались его и вздрогнули. Полчаса спустя къ намъ возвратился нашъ отецъ, весь въ крови и едва стоя на ногахъ.

— На меня напалъ человѣкъ, сказалъ онъ, — выстрѣлилъ въ меня и ранилъ меня въ грудь.

Онъ отнялъ отъ раны ладонь и мы увидали, какъ изъ нея заструилась кровь. Я заплакалъ.

— Пожуй скорѣе травы, обратилась къ отцу мать, намажь ее на листъ и приложи скорѣе къ ранѣ!

Но отецъ не могъ уже двигаться. Тогда мать нашла какую-то траву, пожевала ее, намазала, какъ пластырь, на листъ и приложила ему къ груди. Но этотъ пластырь не помогъ. Къ вечеру моего отца уже не стало. Онъ умеръ. Мы испугались его трупа и, бросивъ его на произволь судьбы, убѣжали въ другое мѣсто. Вѣроятно, его съѣли потомъ тигры или львы.

Мы устроили себѣ жилище у опушки лѣса на самомъ берегу моря. Здѣсь уже мы были одни и жили одиноко. Обыкновенно мать сидѣла у лѣса, а я игралъ камушками на берегу. Какъ вдругъ я увидалъ двухъ человѣкъ. Съ ружьями на перевѣсѣ они бѣжали прямо ко мнѣ.

— Скорѣе! Скорѣе! закричала мнѣ мать, тоже завидѣвъ людей. — Бѣги скорѣе сюда!

Въ это время люди увидали ее, прицѣлились въ нее и раздались два выстрѣла. Бѣдная моя мать повалилась, какъ снопъ. Я сидѣлъ неподалеку на травѣ и ѣлъ ягоды. Испуганный грохотомъ выстрѣловъ и увидавъ, какъ моя мать схватилась за бокъ и за лобъ, я бросился къ ней, повисъ на ней, обнялъ ее за шею и сталъ ее тереть.

— Мама, мама! кричалъ я. — Вставай!

Но она не шевелилась. Убѣдившись, что она не жива, я сжалъ кулачки и сталъ вытирать ими себѣ глаза. Вѣроятно, не зная, что я уже былъ сиротой, и боясь, какъ-бы на нихъ не набросился изъ засады мой отецъ, охотники спрятались за кустъ и стали наблюдать. Наплакавшись вдоволь, я приткнулся къ тѣлу матери и заснулъ. Въ это время охотники подошли ко мнѣ и протянули ко мнѣ руки. Я встрепенулся, испугался ихъ и бросился бѣжать. Охотники послѣдовали за мной. Тогда я вскочилъ на пальму и взобрался на самую ея вершину. Охотники вытащили изъ-за пояса топоры и стали ее рубить. Пальма повалилась и вмѣстѣ съ нею оказался на землѣ и я.

— Ага! Попался! крикнули на меня люди.

При паденіи я больно ушибъ себѣ ногу и сталъ плакать и тереть себѣ коленку. Воспользовав-

пись этимъ, охотники наскочили на меня и схватили меня. Одинъ изъ нихъ при этомъ больно наступилъ мнѣ на больную ногу и я отъ боли укусилъ его.

— А, ты еще кусаться! крикнули они и скрутили мнѣ назадъ руки и связали мнѣ ноги, продѣли шею сквозь рогатку и въ такомъ видѣ понесли меня къ себѣ въ деревню, гдѣ жило много европейцевъ.

Здѣсь они сколотили для меня тѣсную клѣтку и посадили въ нее меня навсегда. Мнѣ было въ ней скучно и неловко, я часто плакалъ, вспоминая о своей матери и о лѣсѣ, въ которомъ жилъ, но никто изъ приходившихъ поглядѣть на меня, не хотѣлъ понять моего горя, а только всѣ смотрѣли на меня и смѣялись.

— Поглядите, какъ онъ похожъ на языческаго божка! говорили они.—Цѣлые часы сидитъ все въ одномъ положеніи и не шелохнется!

Но иногда молодость брала свое, мнѣ вдругъ хотѣлось побѣгать, по-двигаться, порѣзвиться и, не смотря ни на что, я начиналъ кивать людямъ головой и весело хлопать въ ладоши.

Такъ прошли полгода. Я смирился, освоился со своимъ положеніемъ и уже не проявлялъ больше никакихъ попытокъ убѣжать или причинить людямъ зло. Тогда ко мнѣ подошелъ однажды мой хозяинъ и сказалъ:—

— Ты, Макарка, хорошій звѣрь. За это я выпущу тебя погулять...

И онъ сталъ выпускать меня изъ клѣтки на свободу. Въ такіе дни я обыкновенно радостно подбѣгалъ къ двухъ- и трехлѣтнимъ дѣтямъ и начиналъ съ ними играть. Я лѣзъ къ нимъ, обнималъ ихъ, цѣловалъ и иногда такъ крѣпко прижималъ ихъ къ себѣ, что у нихъ захватывало дыханіе. Въ такихъ случаяхъ меня стегали больно плеткой и я разжималъ свои объятія. Но это случалось не часто. Взрослыхъ-же я боялся и избѣгалъ: я все еще не довѣрялъ имъ. Когда я бывалъ въ хорошемъ настроеніи, то показывалъ имъ свой розовый языкъ, а если они меня чѣмъ-нибудь раздражали, то я въ ярости билъ себя кулакомъ въ грудь. Такъ мы, гориллы, проявляемъ свое неудовольствіе.

Въ общемъ мнѣ жилось недурно и если-бы не тоска по свободѣ, то я, пожалуй, и примирился-бы со своимъ плѣномъ навсегда. Но мнѣ такъ хотѣлось къ себѣ въ родной лѣсъ, что я каждое утро просыпался съ желаніемъ убѣжать и горько плакалъ, когда видѣлъ во снѣ свою родину и мать, а проснувшись, находилъ себя все въ той-же клѣткѣ.

Въ 9 часовъ вечера я ложился спать и спалъ, какъ человѣкъ, подложивъ ладонь подъ щеку. Вставалъ я въ 7 часовъ утра и тотчасъ же начиналъ чесаться обѣи-

ми руками. Я съ остервенѣніемъ чесаль себѣ голову и спину и, начесавшись вдоволь, сладко потягивался. Затѣмъ мнѣ приносили чашку съ водой и я умывался изъ нея, тоже какъ человекъ. Послѣ этого мнѣ приносили стаканъ молока, но такъ какъ у насъ, обезьянъ, большой палецъ на рукѣ сгибается въ ту-же сторону, куда и остальные пальцы, то, чтобы не уронить стаканъ, я поддерживалъ его ногой. Получалась уморительная картина: я пилъ изъ стакана, держа его рукой и ногой, и часто, потерявъ равновѣсіе, падалъ на спину и проливалъ молоко. Въ полдень меня кормили; мнѣ давали ѣсть овощи, рисъ, картофель, морковку и иногда плоды. Поѣвши, я ложился спать. Поспавъ часика полтора, я пробуждался и начиналъ играть въ игрушки, которыя мнѣ клали въ клѣтку, или-же качаться на трапеціи, подвѣшанной въ клѣткѣ къ потолку.

Прошелъ годъ. Я немного подросъ и сдѣлался совершенно ручнымъ. Цѣлые дни теперь я уже находился на свободѣ и только на ночь меня запирали въ клѣтку. Но о побѣгѣ я теперь уже больше не мечталъ. Я примирился со своимъ положеніемъ, привыкъ къ людямъ, полюбилъ ихъ, да и все равно, если-бы даже я и задумалъ побѣгъ, то не сумѣлъ-бы его выполнить: я уже позабылъ, гдѣ мой родной лѣсъ, и не нашель-бы къ нему дороги.

Затѣмъ къ намъ пріѣхалъ какой-то незнакомый господинъ. Онъ осмотрѣлъ меня со всѣхъ сторонъ, поглядѣлъ мнѣ въ зубы, спросилъ у моего хозяина, не кашляю-ли я и не бываетъ-ли у меня насморкъ. Получивъ на эти два вопроса отрицательный отвѣтъ, онъ уплатилъ за меня деньги и, похлопавъ меня по спинѣ, сказалъ:—

— Ну, Макарка, теперь ты мой. Я повезу тебя къ себѣ въ Европу.

Въ то время въ Европѣ была зима. Чтобы не простудить меня, скотили ящикъ, положили въ него доверху ваты, сунули меня въ вату и заколотили досками. Было оставлено маленькое отверстие, въ которое мнѣ подавали ѣсть и пить. Въ такомъ согнутомъ положеніи я пробылъ три недѣли, пока наконецъ пароходъ не довезъ меня до Европы. Въ томъ-же ящикѣ меня повезли и далѣе по желѣзной дорогѣ. Когда мы прибыли наконецъ въ одинъ изъ большихъ европейскихъ городовъ, гдѣ я долженъ былъ жить въ зоологическомъ саду, и меня внесли въ обезьянникъ и раскупорили наконецъ ящикъ, то я такъ отвыкъ уже двигаться, что съ трудомъ вылезъ изъ него на Божій свѣтъ. Оглядѣвшись вокругъ, я былъ очень пораженъ бѣдностью и скудостью природы, представившейся моимъ глазамъ. Нависло сѣрое небо, вмѣсто пальмъ росли какія-то го-

лыя деревья и слышно было, какъ гдѣ-то ревѣли львы, которыхъ я очень боялся. Но вдругъ я увидалъ другого гориллу, который жилъ здѣсь уже давно. Тогда я обрадовался, бросился къ нему и, какъ человѣкъ, протянулъ ему свою руку. Тотъ отвѣтилъ на мое рукопожатіе, а затѣмъ мы оба бросились другъ къ другу въ объятія и поцѣловались.

Потомъ насъ разлучили и посадили меня отдѣльно въ особую клѣтку въ полутемномъ каменномъ домѣ, въ которомъ находились клѣтки и другихъ обезьянъ. На клѣткѣ привѣсили надпись: „Горилла. Близко не подходить. Опасенъ“. И я съ грустью подумалъ: „чѣмъ я опасенъ? чѣмъ я опаснѣе тѣхъ людей, которые вырвали меня изъ родной среды и привезли сюда?“

И съ тѣхъ поръ для меня потянулись унылые дни. Наступили холода, шелъ снѣгъ, по цѣлымъ недѣлямъ не показывалось солнце и надъ нашимъ зоологическимъ садомъ нависли свинцовыя тучи. Скоро я сталъ кашлять, меня стала мучить изнурительная лихорадка и я по цѣлымъ ночамъ не могъ заснуть. Кашель разбилъ мнѣ грудь. Я осунулся, присмирѣлъ и уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на шутки посѣтителей сада, приходившихъ меня посмотрѣть, ни на проказы другихъ, сосѣднихъ со мною, обезьянъ.

— Зачѣмъ я здѣсь? вздыхалъ я.—Зачѣмъ меня сюда привезли?

У меня былъ только единственный другъ — мой сторожъ. Онъ каждый день по нѣскольку разъ приходилъ ко мнѣ, убиралъ у меня въ клѣткѣ и давалъ мнѣ ѣсть. Замѣтивъ однажды, что я не спалъ всю ночь, онъ покачалъ головой и глубоко вздохнулъ.

— Ахъ, ты бѣдное животное! сказалъ онъ.—Родилось ты на потѣху людямъ!

Въ тотъ-же вечеръ, когда всѣ разошлись и былъ запертъ нашъ зоологическій садъ, онъ пришелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

Я пошелъ за нимъ. Онъ привелъ меня къ себѣ въ коморку, бросилъ на полъ старый матрацъ и кинулъ байковое одѣяло.

— Ложись! сказалъ онъ.—Здѣсь теплѣ!

Я легъ, укрылся съ головой, но все-таки долго не могъ уснуть. Тогда сторожъ уложилъ меня рядомъ съ собою на кровать. Я обрадовался, обнялъ его и засунулъ ему голову за пазуху. Такъ мы и стали спать потомъ каждую ночь обнявшись.

— Надо сказать доктору! рѣшилъ мой сторожъ.—Ты болѣнъ! Ты всю ночь дрожишь!

Пришелъ докторъ, вошелъ ко мнѣ въ клѣтку и долго выслушивалъ и выстукивалъ мнѣ грудь.

— У него, кажется, начинается

чахотка, сказалъ онъ сторожу.— Его нужно перевести въ павильонъ. Тамъ ему будетъ свободнѣе и теплѣе!

Меня перевели въ павильонъ. Это было большое стеклянное зданіе, въ которомъ были посажены пальмы и которое протапливалось. Въ немъ было тепло, свѣтло и просторно, но воздухъ былъ, какъ въ теплицѣ, и мнѣ тяжело было дышать. Но все-же здѣсь было пріятно. Я рѣзвился, влѣзалъ на дерево и, отломивъ отъ него вѣтку, долго просиживалъ съ нею въ раздумьѣ на стволѣ. Мнѣ вспоминались мои родные лѣса въ Африкѣ и страстно хотѣлось на родину. О, что-бы только я далъ, чтобы опять поглядѣть на синее африканское небо, поплескаться въ водѣ лѣсного ручейка и услышать голоса своихъ братьевъ!

— Домой, домой! стоналъ я, кашлялъ и хватался за грудь.

Наступила весна, но мнѣ не стало лучше. Я худѣлъ не по днямъ, а по часамъ, и почти ничего не ѣлъ. Тогда ко мнѣ въ павильонъ пришли мой хозяинъ и докторъ.

— Макарка, подойди сюда! сказалъ мнѣ докторъ.

Я подошелъ. Онъ взялъ меня за лапу и приложилъ мнѣ къ груди ухо.

— Стой смирно, сказалъ онъ.— Я хочу выслушать тебя.

Я не шевелился. Онъ выслушалъ

меня и отошелъ съ моимъ хозяиномъ къ сторонкѣ. Я издали могъ слышать ихъ разговоръ.

— Макаркѣ все равно здѣшняго климата не пережить, сказалъ докторъ.— Зачѣмъ губить бѣдное животное? Я совѣтовалъ-бы вамъ отправить его обратно въ Африку.

Отправить въ Африку! Боже мой, какъ радостно забилося мое сердце!

И я сталъ считать дни и часы, когда наконецъ исполнится эта моя завѣтная мечта. И она исполнилась. На этотъ разъ уже было лѣто и меня посадили не въ ящикъ съ ватой, а въ клѣтку, и погрузили въ вагонъ. Затѣмъ изъ вагона меня перегрузили на пароходъ и я закачался по волнамъ.

Не стану описывать всего моего утомительнаго путешествія. Теперь я видѣлъ небо, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, ко мнѣ подходили матросы и шутили со мной и мнѣ было не такъ скучно, какъ тогда, когда я ѣхалъ въ ящикѣ съ ватой.

Но вотъ уже Гибралтарскій проливъ, вотъ ужъ Канарскіе острова, а вотъ и мой милый, ненаглядный Гвинейскій берегъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ оборотомъ винта я все ближе и ближе къ своей родинѣ, теплый, благодатный воздухъ обвѣваетъ меня, я стараюсь имъ дышать какъ можно глубже и чувствую, какъ меня оставляетъ моя болѣзнь. Я уже не кашляю, не хватаюсь безпомощно рукой за грудь и съ жад-

Въ дождь.

Папа ѓдетъ!

ностью ѣмъ тѣ фрукты и плоды, которыми угощаютъ меня матросы. Затѣмъ пароходъ останавливается. Я слышу, какъ спускаютъ въ море лодку.

— Ну, Макарка, обращается ко мнѣ капитанъ, — ты теперь приѣхалъ. Выходи!

Меня вывели изъ кѣтки и стали спускать въ лодку. Я оглянулся и увидѣлъ вдаль мой милый берегъ, на которомъ я родился и котораго такъ долго не видалъ. Зеленой полосой онъ тянулся изъ края въ край и надъ нимъ висѣло ярко-голубое, тропическое небо. Свѣтило радостное солнце. Я пришелъ въ такой восторгъ, что запрыгалъ въ лодкѣ.

— Держи его! раздалась команда. — Такъ онъ можетъ опрокинуть шлюпку!

Два матроса схватили меня за руки и стали держать. Взмахнули веслами и мы помчались къ берегу.

— Ну, Макарка, теперь прощай! обратились ко мнѣ матросы, когда мы достигли берега. — Рѣзвись на свободѣ!

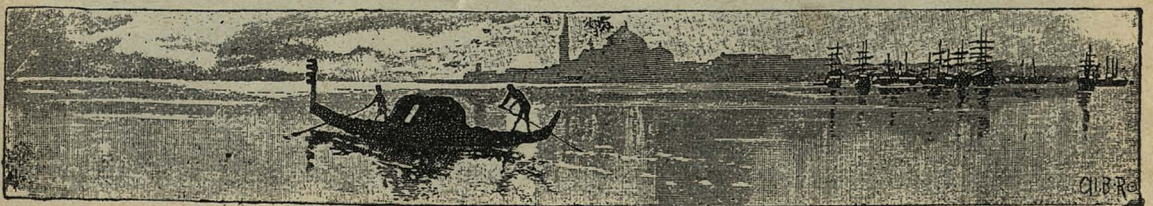
Они высадили меня на берегъ и отправились обратно къ пароходу.

Затѣмъ я видѣлъ, какъ пароходъ развелъ пары и, подобравъ вернувшихся къ нему матросовъ, отправился въ дальнѣйшій путь. Я еще долго стоялъ на берегу и смотрѣлъ ему вслѣдъ. Когда-же онъ скрылся наконецъ изъ виду, то я глубоко вздохнулъ, а затѣмъ побѣжалъ въ свой лѣсъ. Кричали попугаи и какаду, шумѣли въ вѣтвяхъ обезьяны, а я, не помня себя отъ восторга, пробирался сквозь заросли и лианы и все дальше и дальше проникалъ въглубь лѣса, гдѣ не тронулъ-бы меня уже никто.

И вотъ я опять на свободѣ. Я совершенно здоровъ, у меня теперь своя семья, я живу той жизнью, для которой создалъ меня Господь, и не могу наглядѣться на своего дѣтеныша, который играетъ у моихъ ногъ. И всякій разъ я съ благоговѣнiемъ вспоминаю о добромъ сторожѣ, который клалъ меня съ собою спать, и о докторѣ, который пожалѣлъ меня и убѣдилъ моего хозяина отправить меня обратно на родину.

Да сохранить ихъ Богъ!

С. Вершининъ.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

Какъ стало хмуро и дождливо!
Повсюду лужи, грязь, вода...
Такъ стало вѣтрено, тоскливо...
Должно быть, скоро холода!

Стоитъ туманъ, не видно дали,
Сырѣе, хуже съ каждымъ днемъ.
Ужъ съ мѣсяцъ солнца не видали
И такъ соскучились по немъ!

Но дождикъ хлещетъ по окошку,
Въ печахъ гудить, въ щеляхъ
поетъ,

И, подвигаясь понемножку,
Зима сѣдая къ намъ идетъ.

Кузнечикъ

ДЯДЯ-ПОЛКОВНИКЪ.

(Окончаніе).

Каждыя среду и воскресенье дядя уходилъ куда-то въ пять часовъ и возвращался только въ полночь. Всякій разъ, какъ онъ уходилъ, Андрюша тотчасъ-же отправлялся въ деревню. Такъ путешествовалъ онъ и въ дождь, и въ слякоть, и въ холодъ. Теперь уже ничто не могло удержать его отъ свиданія съ сестрой. Съ каждой прогулкой онъ все болѣе и болѣе мужалъ и росъ, дурная погода и вѣтеръ закалили его здоровье. Наступило лѣто, его смѣнила осень, а онъ все ходилъ и ходилъ и это хожденіе обратилось для него въ привычку.

— Удивительно, какъ скоро ты изнашиваешь сапоги, обращался къ нему дядя не разъ.—Точно ты

ступаешь не по мостовой, а по горячей сковородѣ. Такъ обувь на тебѣ и горитъ!

И полковникъ добродушно смѣялся. Съ каждымъ днемъ, видя, какъ мальчикъ мужалъ, какъ онъ въ точности исполнялъ всѣ его приказанія, какъ за всѣ эти пять мѣсяцевъ Андрюша ни разу не опоздалъ ни на одну минуту, полковникъ увлекался имъ, добродушно хлопалъ его по плечу и, довольный, говорилъ:—

— Ты у меня настоящій мужчина!

И всякій разъ, когда полковникъ возвращался домой поздно или-же долго засиживался у себя въ кабинетъ, онъ обязательно за-

ходилъ въ комнату къ Андрюшѣ и долго, съ блаженной улыбкой заглядывался на него и затѣмъ, боясь, какъ бы его не разбудить, горячо цѣловалъ его въ лобъ.

— Славный мальчикъ! бормоталъ онъ себѣ въ усы.—Превосходный мальчуганъ!

Сколько разъ въ минуту одиночества и душевной тоски полковнику хотѣлось позвать къ себѣ Андрюшу, посадить его къ себѣ на колѣни и начать съ нимъ разговаривать о чемъ-нибудь постороннемъ или даже поиграть въ лошадки! Сколько разъ ему хотѣлось обнять его, прижать къ себѣ и поцѣловать, но онъ сдерживалъ себя, не давалъ себѣ воли и только повторялъ:—

— Я долженъ воспитать въ немъ мужчину! Нѣжности только могутъ его испортить!

Добившись всего благополучія только личнымъ своимъ трудомъ и строгой исполнительностью, дядя считалъ ихъ обязательными и для другихъ, онъ напускалъ на себя передъ Андрюшей важность и строгость, но въ душѣ увлекался имъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что полюбилъ его, какъ родного сына, и что теперь безъ него не прожилъ-бы ни одного дня. Онъ чувствовалъ, какъ въ его зачерствѣлое сердце вливался медъ, когда Андрюша начиналъ о чемъ-нибудь говорить, и какъ душа его оттаивала отъ од-

ного только прикосновенія къ плечу или къ курчавой, женственной головѣ мальчика.

— Славный мальчикъ! повторялъ онъ.—На него можно положиться вполнѣ!

Въ одну изъ средъ, когда было какъ-то особенно сыро и когда осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь, Андрюша еле дотащился до тети-Вари. Придя къ ней, онъ засталъ невеселую картину. Обыкновенно Зоя встрѣчала его съ радостнымъ визгомъ и выбѣгала къ нему на крыльцо, а теперь въ домикѣ у тети-Вари было все тихо и не было слышно никого. Андрюша прошелъ зальце и вошелъ въ спальню. Тамъ, вся въ жару и въ забытѣ, лежала Зоя. Она не узнала его. Около нея сидѣла тетя-Варя и держала платокъ у губъ. Глаза ея были заплаканы.

— Что съ ней? встревожился Андрюша.

— Не знаю.. отвѣтила тетя-Варя.—Зоя слегла еще вчера. Послала за докторомъ, но онъ пріѣдетъ только вечеромъ.

Андрюша испугался. Онъ бросился къ Зоѣ, обхватилъ ее и приникъ щекою къ ея лицу. Оно пылало, какъ въ огнѣ.

— Зочка, Зоя!.. окликнулъ онъ ее.—Что съ тобой? Открой глазки и посмотри на меня! Это я,— Андрюша!.. Твой братъ!..

Она съ трудомъ открыла глаза, узнала его и улыбнулась. Но

затѣмъ она снова впала въ забытье.

Андрюша просидѣлъ около нея до самаго вечера. Онъ далъ своей покойной матери слово никогда не покидать свою сестру и, чтобы ни случилось, — онъ сдержитъ его. Онъ дождется доктора, узнаетъ отъ него всю правду и лучше умретъ съ самъ, чѣмъ позволить хворать сестрѣ! Будь, что будетъ, но онъ останется здѣсь, онъ не будетъ спать дней и ночей, но его сестра выздоровѣетъ и снова будетъ такою-же рѣзвой и веселой, какою и была. Не виноватъ-же онъ, что его насильно разлучили съ ней и заставили ихъ обоихъ жить врозь!

Прошелъ урочный часъ, когда надо было возвращаться домой. Наступилъ затѣмъ глухой осенній вечеръ. Андрюша сидѣлъ около больной сестры и казался погруженнымъ въ глубокую думу.

— Ты-бы, Андрюша, шелъ домой! обратилась къ нему тетя-Варя. — Уже поздно!

— Ничего, тетя, отвѣтилъ онъ. — Я подожду доктора.

Докторъ пріѣхалъ только въ десятомъ часу. Онъ осмотрѣлъ больную, нашелъ у нея брюшной тифъ, объяснилъ, что нужно было дѣлать, и уѣхалъ. Андрюшу это смутило. Онъ зналъ, что болѣзнь была опасна, и что онъ могъ заразиться отъ Зои и самъ, но это его нисколько не смутило. Его безпокоило теперь то,

что было уже поздно возвращаться домой, и что дядя навѣрное уже хватился его и очень обиженъ, что онъ исчезъ. Хотѣлось послать къ дядѣ письмо, но было уже поздно, и волей неволей приходилось остаться у тети-Вари ночевать. Тѣмъ не менѣе онъ присѣлъ къ столику, о чемъ то долго писалъ и затѣмъ взялся за шляпу и направился къ выходу.

— Ты куда? спросила его тетя-Варя.

— Хочу опустить въ почтовый ящикъ письмо, отвѣтилъ онъ. — Написалъ къ дядѣ. Гдѣ у васъ здѣсь почтовый ящикъ?

Тетя-Варя объяснила ему и онъ вышелъ.

А дядя-полковникъ переживалъ въ это время настоящія страданія. Онъ перепугался не на шутку. Возвратясь домой, онъ первымъ-же дѣломъ отправился въ комнату къ Андрюшѣ.

— Андрей, гдѣ ты? окликнулъ онъ его.

Но отвѣта не послѣдовало.

„Навѣрное, онъ задержался на прогулкѣ“, подумалъ полковникъ.

Онъ подождалъ до девяти часовъ, когда подавали вечерній чай, но мальчикъ не являлся.

Полковникъ сталъ сердиться. Въ первый разъ за все это время Андрюша не возвратился домой въ опредѣленный часъ. Затѣмъ часы пробили половину десятого, десять, половину одиннадцатого,

таго, — а мальчикъ все еще не являлся.

— Что такое? удивился полковникъ и сердцемъ его овладѣло безпокойство.

Чѣмъ дольше тянулся вечеръ, тѣмъ старикомъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ страхъ за своего пріемыша. Безъ сомнѣнія, съ Андрюшей случилось что-нибудь худое. Онъ ни разу еще не опаздывалъ; онъ хорошо зналъ, какъ строго дядя смотритъ на точность выполненія каждымъ человѣкомъ своихъ обязанностей. Прождавъ безрезультатно до полуночи, дядя потерялъ наконецъ терпѣніе, вскочилъ и вышелъ на улицу. Онъ исходилъ городъ по всѣмъ направленіямъ, приглядывался къ рѣкѣ, спрашивалъ у прохожихъ. Но улицы были уже пусты и никто не далъ ему никакихъ свѣдѣній о пропавшемъ мальчикѣ.

— Боже мой, бормоталъ полковникъ, — что-же я теперь буду безъ него дѣлать? Какъ я теперь переживу его потерю?

Уставъ наконецъ бродить по городу, онъ побрелъ къ себѣ домой. Приказавъ швейцару разбудить его въ случаѣ какого-нибудь несчастія, онъ поднялся къ себѣ наверхъ, хотѣлъ было лечь, но не могъ. Онъ слишкомъ былъ взволнованъ. Онъ сталъ ходить по пустыннымъ комнатамъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и находясь между надеждой и стра-

хомъ. Теперь для него было уже ясно, что безъ этого мальчика, безъ этого Андрюши, онъ не можетъ жить. Этотъ безропотный мальчикъ согрѣлъ его душу; самъ того не лодозрѣвая, онъ внесъ въ унылый домъ старика то счастье жизни, которое даютъ собой одни только дѣти и больше никто. Всю свою жизнь полковникъ былъ одинокъ, его сердце зачерствѣло и вдругъ, точно снѣгъ подъ ласковыми лучами весенняго солнца, растаяло отъ одного только присутствія этого робкаго, покорнаго Андрюши. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, онъ былъ всегда къ нему такъ строгъ и такъ неумолимо-требователенъ? Онъ относился къ нему, какъ чужой къ чужому, и только теперь, въ эту ночь понялъ, что ближе и роднѣе Андрюши для него нѣтъ ни одной души на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Неужели полковникъ опять будетъ такъ-же одинокъ, какъ былъ и до сихъ поръ?

Только подъ утро старикъ немного заснулъ, да и то сидя въ креслѣ и не раздѣваясь. Его разбудили начавшійся городской шумъ и звонъ ближайшаго колокола. Онъ поднялся и снова заходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Андрюши все еще не было. Неужели онъ погибъ? Воображеніе старика рисовало страшныя картины, онъ отгонялъ ихъ отъ себя и все-же никакъ не могъ отогнать.

— Гдѣ-же онъ? спрашивалъ ста-

рикъ.—Господи, сохрани его, возврати мнѣ его живымъ!

Въ девять часовъ старый слуга подалъ полковнику кофе, газету и полученные съ почты письма.

— А нашего молодого барина все нѣтъ и нѣтъ!.. сказалъ онъ, глубоко вздохнувъ и покачавъ головой.

Полковникъ ничего не отвѣтилъ и взялъ со стола письма. Слуга безшумно вышелъ. Прочитавъ одно письмо, затѣмъ другое, полковникъ распечаталъ наконецъ третье, перевернулъ его, взглянулъ на подпись и лицо его вспыхнуло отъ радости.

— Слава Богу, онъ живъ! съ облегченіемъ вздохнулъ онъ и наконецъ три раза перекрестился.

И, сѣвши поближе къ окну, онъ сталъ читать письмо отъ Андрюши.

„Милый дядя, писалъ мальчикъ, — прости меня, я поступилъ плохо, но сдѣлать иначе я не могъ. Когда умирала моя мама, то она подозвала меня къ себѣ и взяла съ меня обѣщаніе, что я никогда не оставлю Зою одну. Но я сталъ жить у тебя, а Зоя--у тети-Вари. Я не могъ выносить того, что она была безъ меня, и чуть не каждый день ходилъ къ ней въ деревню по пятнадцати верстѣ пѣшкомъ. Ты не зналъ этого, а я боялся тебѣ признаться, потому что все равно ты обидѣлся-бы на меня. Ахъ, дядя, какъ мнѣ стыдно, что я скрывалъ

отъ тебя то, что ходилъ къ сестрѣ! Прости меня, дядечка, но иначе я поступить не могъ. Теперь Зоя лежитъ больная, у нея брюшной тифъ, докторъ сказалъ, что это опасно,—и я не могу вернуться къ тебѣ. Я умру у тебя безъ сестры. Я все время буду около нея, а ты на меня не сердись. Когда она выздоровѣетъ, то я возвращусь къ тебѣ и тогда накажи меня, какъ хочешь.

Твой племянникъ Андрюша.“

— Наказать тебя, какъ захочу! воскликнулъ полковникъ. — Это тебя-то, за то, что ты такъ ревностно исполняешь свой долгъ? За то, что ты вѣренъ слову, данному покойной матери, и такъ горячо и самоотверженно любишь сестру?

И онъ вскочилъ, засуетился, и позвонилъ слугѣ.

-- Прикажи заложить экипажъ! сказалъ онъ.—Собери вещи Андрюши и уложи ихъ въ экипажъ!

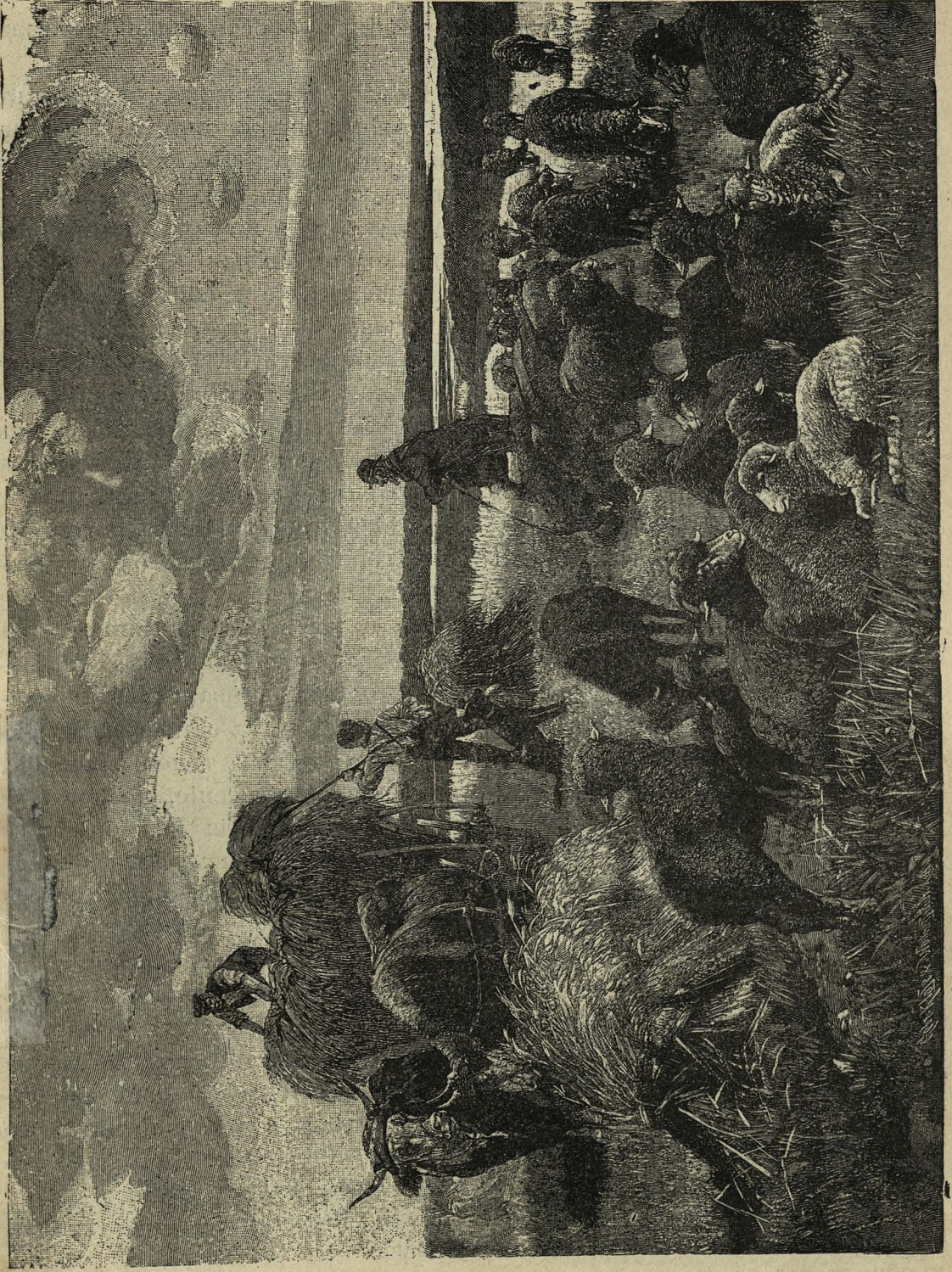
Двадцать минутъ спустя, онъ уже ѣхалъ въ деревню къ тетѣ-Варѣ. Свѣтило солнце, за городомъ было привольно и хорошо, но полковникъ не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ него. У него на сердцѣ было еще лучше, ему хотѣлось поскорѣе увидеть своего племянника и казалось, что лошади бѣгутъ гораздо медленнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Но какой превосходный мальчикъ! восхищался мысленно пол-

Послѣ уборки хлѣба.

ковникъ. — Какая у него мягкая, прекрасная душа!

Тетя-Варя первая увидѣла, что къ ней ѣдетъ полковникъ. Она сильно безпокоилась о случившемся и нисколько не была удивлена, что онъ ѣдетъ къ ней самъ. Боясь за Андрюшу, она не знала, что ей дѣлать. Навѣрное, полковникъ теперь накричитъ на него, возьметъ его обратно съ собою, накажетъ... И она подошла къ Андрюшѣ и взяла его за руку.

— Дядя ѣдетъ!.. сказала она.

Онъ вздрогнулъ, но овладѣлъ собой и не отвѣтилъ ничего.

Подѣхалъ экипажъ и вышелъ дядя. Онъ былъ веселъ, на губахъ у него сіяла благодушная улыбка и онъ несъ цѣлый узелъ вещей Андрюши.

— Здравствуйте, Варвара Игнатьевна! обратился онъ къ тетѣ-Варѣ. — Здравствуй, карапузъ! Вотъ тебѣ вещи!

И чего съ нимъ никогда не было, онъ склонился надъ Андрюшей и ласково поцѣловалъ его въ лобъ.

— Я получилъ твое письмо, сказалъ онъ. — Ты иначе поступить и не могъ! Воля матери для тебя священна. Но почему ты ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ раньше?

Андрюша виновато опустилъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ, что дядя будетъ къ нему такъ великодушень. Онъ всталъ на цыпочки и обнялъ его за шею.

— Дядя, прости меня!.. сказалъ онъ.

И онъ поцѣловалъ старика въ чисто выбритую щеку. Это умилило старика. Но чтобы скрыть отъ тети-Вари, что ласка растрогала его, онъ нахмурилъ брови и громко спросилъ:

— А гдѣ-же у васъ больная?

Полковника провели въ соседнюю комнату. Здѣсь на кровати лежала вся въ жару Зоя и часто-часто дышала. Старикъ подошелъ къ ней, погладилъ ее по головѣ и поправилъ на ней одѣяло.

— Не прислать-ли вамъ доктора изъ города? спросилъ онъ у тети-Вари.

Та не отвѣтила ему ничего. Она сама была удивлена такой любезностью полковника и пытливо посмотрѣла ему въ самые глаза. Въ нихъ свѣтилось теперь какое-то особенное выраженіе, полное трогательнаго участія и доброты, и она не знала, чему это приписать. А полковникъ подозвалъ къ себѣ Андрюшу и провелъ рукою по его кудрявымъ волосамъ.

— Это герой!.. сказалъ онъ тетѣ-Варѣ. — До сихъ поръ я считалъ героемъ только того, кто сражается съ непріателемъ и беретъ приступомъ города, а теперь понялъ, что тотъ истинный герой, кто завоевываетъ себѣ сердце другого!

Тетя-Варя не вѣрила своимъ ушамъ.

— Ахъ, полковникъ, отвѣтила

она,—вы никогда не имѣли дѣла съ дѣтьми, вы не знаете, каковы потребности сердца такого маленькаго созданія, какъ эта Зоя или вотъ этотъ Андрей! Какъ я досажаю на себя, что не могу глубже вникнуть въ ихъ нѣжныя, чуткія души!

— Возьмите къ себѣ и Андриюшу! продолжалъ полковникъ. — Пусть онъ живетъ у васъ! Ну, что ему у меня за житье? Все одинъ, да одинъ!...

Тетя-Варя и Андриюша переглянулись въ удивленіи. У Андриюши радостно забилося сердце.

— Это герой!—сказалъ онъ тетѣ-Варѣ.

Она такъ растрогалась, что слезы появились у нея на глазахъ. Полковникъ понялъ, что нужно было переменить разговоръ.

— А я къ вамъ съ просьбой, Варвара Игнатьевна! воскликнулъ онъ.—Ужъ не откажите мнѣ, пожалуйста; исполните ее!

Тетя-Варя подняла голову.

— Да, да! все еще продолжалъ полковникъ. — Пусть онъ теперь живетъ у васъ! Я даже привезу сюда съ собой всѣ его вещи!

И прежде чѣмъ Андриюша могъ что-нибудь отвѣтить, онъ подошелъ къ тетѣ-Варѣ и сказалъ:—

— Прощайте! Если въ чемъ-нибудь окажется нужда, то обращай-

тесъ ко мнѣ безъ церемоніи! Прощай, карапузъ, и ты!

Онъ сказалъ это дрогнувшимъ голосомъ и поцѣловалъ Андрюшу въ лобъ. Затѣмъ онъ вышелъ, грузно усѣлся въ экипажъ и уѣхалъ. Тетя-Варя и Андрюша переглянулись.

— Что это съ нимъ? спросила тетя-Варя.

Но Андрюша догадывался въ истинной причинѣ всего происшедшаго. Онъ чуялъ духомъ, что въ его дядѣ что-то произошло, что навѣки измѣнило отношенія его къ племяннику, и сознавалъ и самъ, что и его сердце тоже открылось къ этому одинокому, тоже обездоленному судьбою старику. Почему онъ одинъ? Почему у него нѣтъ семьи, почему около него нѣтъ близкаго лица, которсе-бы позаботилось о немъ, согрѣло-бы его душу своей лаской и успокоило-бы его старость? И Андрюшѣ вдругъ сдѣлалось такъ жалко старика, такъ вдругъ захотѣлось догнать его, вернуть, сказать ему нѣсколько теплыхъ, ласковыхъ словъ! Но дядя былъ уже далеко и по дорогѣ виднѣлось только облако пыли, поднятое его экипажемъ и лошадьми.

— Бѣдный дядя! проговорилъ Андрюша и отошелъ къ сторонкѣ.

А тетя-Варя въ это время уже суетилась около Андрюшиныхъ вещей. Боже мой, какая радость!

Теперь у нея уже будетъ двое дѣтей—Зоя и ея братъ,—они будутъ бѣгать, шумѣть, наполнять ея домикъ своими веселыми криками и она будетъ теперь уже не одна. О, эта грустная, одинокая жизнь! Какъ она была всегда тяжела для тети-Вари, какъ тетя всегда чувствовала себя угрюмо и безнадежно безъ дѣтей! Теперь Господь послалъ ей этихъ двухъ сиротъ, теперь и у нея есть дѣти—это животворящее начало въ каждой семьѣ, для счастья которыхъ всѣ хлопочуть, суетятся, покупаютъ земли, строятся, открываютъ учебныя заведенія, стараются улучшить жизнь! Она напряжетъ теперь всѣ свои усилія, чтобы воспитать изъ Зои и Андрюши настоящихъ людей, дать имъ хорошее образованіе, облегчить ихъ будущую жизнь.

И полная сладостныхъ мечтаній, она съ жаромъ и интересомъ передвигала кровать, столы и стулья, устраивая для Андрюши поуютнѣе уголокъ, а онъ помогалъ ей, почему-то былъ грустенъ и все время молчалъ.

— Ты чего все молчишь? обратилась къ нему тетя-Варя. — Развѣ тебѣ не нравится, что ты теперь будешь жить у меня?

Мальчикъ опустилъ голову.

— Нѣтъ тетя, отвѣтилъ онъ.— Мнѣ почему-то жаль дядю. Мнѣ грустно, что онъ остался одинъ...

Затѣмъ для Андрюши начались

новые дни. Онъ жилъ у тети-Вари, былъ около своей сестры и теперь ему уже не приходилось скрываться ни отъ кого. Въ этомъ маленькомъ домикѣ, гдѣ пріютилась его тетья, все казалось ему роднымъ, близкимъ, онъ чувствовалъ себя такъ, точно здѣсь и родился, и ему не вѣрилось, что онъ здѣсь жилъ и что можетъ не жить здѣсь когда-нибудь въ будущемъ. Свѣтило солнце, кричали галки и съ каждымъ новымъ днемъ здоровье Зои все поправлялось и поправлялось и наконецъ поправилось совсѣмъ. Она стала изрѣдка сходить съ кровати. Счастье выздоровленія наполнило ее всю, она громко смѣялась, безъ умолку щебетала, а Андрюша былъ около нея и отвѣчалъ ей тѣмъ-же. Тетья Варя съ умилениемъ поглядывала на нихъ обоихъ, украдкой крестилась на образъ и тихонько повторяла:

— Слава Богу! Слава Богу!

И вдругъ отъ дяди-полковника пришло Андрюшѣ открытое письмо.

„Если можешь, писалъ онъ, то навѣсти меня“.

Андрюша встревожился, засуетился и сталъ собираться въ городъ. Чувство личной порядочности заговорило въ немъ и краска стыда покрыла все его лицо. За всѣ эти двѣ недѣли, пока онъ жилъ у тети, онъ ни разу не написалъ къ дядѣ ни одной строки, ни разу не освѣдомился у него даже о здоровьѣ. Въ своемъ

счастьѣ онъ позабылъ о другихъ. И онъ быстро собрался, простился съ тетей и сестрой и отправился въ путь.

Вотъ и опять городъ, дымный, шумный, полный обыденныхъ хлопотъ и суеты. Какъ здѣсь все для Андрюши чуждо! Какъ не похоже на ту уютную, скромную, здоровую деревенскую жизнь, которой онъ прожилъ эти двѣ недѣли у тети-Вари!

Онъ позвонился къ дядѣ. Старый слуга отворилъ ему дверь и радостно улыбнулся. Но въ его улыбки Андрюша замѣтилъ какое-то безпокойство. Оба молча прошли наверхъ. Затѣмъ Андрюша отправился къ дядѣ въ кабинетъ, но тамъ его не оказалось.

— Они въ спальнѣ, сказалъ слуга.

Полковникъ лежалъ на кровати, съ закрытыми глазами, укрывшись по грудь одѣяломъ и скрестивъ худыя морщинистыя руки. Андрюша сразу-же догадался, что онъ былъ болѣнъ. Полковникъ показался ему такимъ жалкимъ, безпомощнымъ, одинокимъ, что у него что-то дрогнуло въ груди и, полный жалости, состраданія и стыда за то, что не навѣстилъ дядю раньше, онъ обнялъ его за плечи и прильнулъ щекою къ его щекѣ.

— Прости, меня, дядя!.. сказалъ онъ.—Я знаю, что ты одинокъ и нуждаешься въ ласкѣ такъ-же, какъ нуждался у тебя и я!

Дядя открылъ глаза и улыбнулся. Онъ притянулъ мальчика къ себѣ и горячо поцѣловалъ.

— Здравствуй, мой сыночек! ска- залъ онъ. — Я зналъ, что ты ко мнѣ придешь... А я, вотъ видишь, захворалъ немного... Такъ скучно во всемъ домѣ быть одному!..

Андрюша сидѣлъ, прижавшись къ дядѣ, и вдругъ почувствовалъ, какъ что-то теплое, нѣжное наполнило его душу. Ему вдругъ захотѣлось сказать старику что-нибудь ласковое, пріятное, что-нибудь такое, что хоть немного скрасило-бы его унылую, одинокую жизнь.

— Ты переночуешь со мною сегодня? спросилъ полковникъ.

— Хорошо, дядя, отвѣтилъ горячо Андрюша. Я уже не оставлю тебя больше никогда! Ты—хорошій!

Полковникъ улыбнулся. Въ первый разъ за все это время Андрюша замѣтилъ у него на глазахъ слезы.

— Ахъ, сыночек, сыночек! вздохнулъ полковникъ. — Если-бъ ты зналъ, какъ ваша дѣтская ласка согрѣваетъ душу старика! Ну, какъ здоровье твоей сестры?

— Благодарю, дядя, отвѣтилъ Андрюша.—Она поправилась уже совсѣмъ. Еще сидитъ въ кровати, но жара уже нѣтъ!

Дядя еще ближе притянулъ мальчика къ себѣ и почти на ухо ему сказалъ: —

— Не покидай ее никогда. Я сдѣлаю такъ, что вы не разстанетесь уже больше никогда!

И, придвинувъ къ себѣ чернильницу и бумагу, онъ написалъ къ тетѣ-Варѣ письмо.

„Многоуважаемая Варвара Игнатьевна. Помогите мнѣ устроить будущее Зои и Андрюши. Разрѣшите мнѣ считать себя ихъ отцомъ. У меня есть состояніе, моя квартира велика, но всѣ комнаты стоятъ пустыми. Переѣзжайте ко мнѣ всѣ, а пока позвольте мнѣ поселиться гдѣ-нибудь по близости отъ васъ, чтобы я имѣлъ возможность хотя издали любоваться нашими дорогими дѣтьми“.

Это письмо на другой-же день отвезъ къ тетѣ-Варѣ самъ Андрюша. Для него былъ нарочно запряженъ для этого самый лучший экипажъ. Недѣлю спустя, поправившійся дядя-полковникъ уже жилъ съ Андрюшей въ деревнѣ, рядомъ съ домикомъ тети - Вари, а потомъ всѣ переѣхали въ городъ и поселились у полковника. Появились цвѣты, занавѣски на окнахъ, коврики, запахло въ комнатахъ чѣмъ-то вкуснымъ и стало такъ уютно, такъ пріятливо, что дядя-полковникъ глядѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Каждый вечеръ онъ игралъ съ Андрюшей въ шахматы, или-же, посадивъ Зою къ себѣ на колѣнку, заставлялъ ее дернуть его за усы. Она дергала и весело, раскатисто смѣялась.

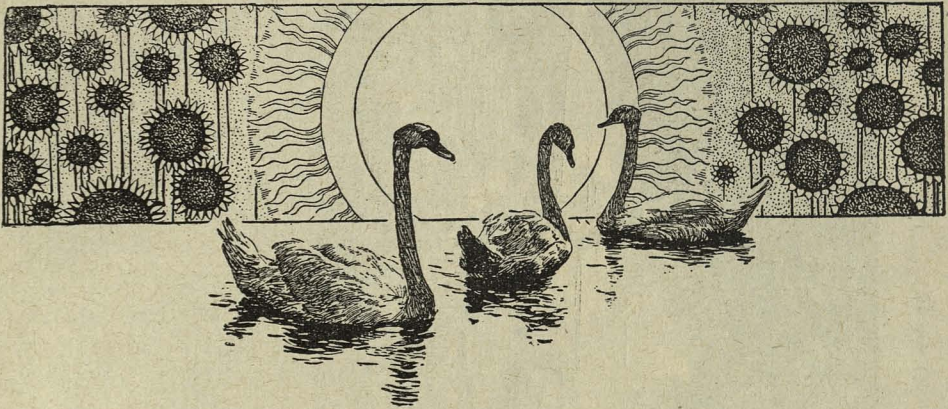

Это ему нравилось и ему казалось, что онъ молодѣль съ ней и съ Андрюшей сразу на нѣсколько десятковъ лѣтъ и что та одинокая, унылая жизнь, которою онъ жилъ

когда-то безъ дѣтей, была только неприятнымъ, далекимъ сномъ, который не повторится уже болѣе никогда.

Е. М.

К о н е ц ъ .

МАЛЕНЬКАЯ ЖАННА.

Кто-то оклеветалъ графа Вальдека передъ королемъ. Не чувствуя за собой никакой вины, графъ рѣшилъ спастись бѣгствомъ, захвативъ съ собой только единственную дочь Жанну, и незамѣтно перебраться съ ней черезъ границу.

И вотъ съ помощью своего вѣрнаго слуги Жоржа онъ собралъ все свои драгоценности и золотыя деньги, положилъ ихъ въ шкатулку и глубокою ночью отправился въ самый отдаленный уголокъ своего парка. Надвигалась гроза, сверкала молнія, слышались раскаты грома и было такъ темно, что не было видно ничего даже въ двухъ шагахъ. Они шли, оглядываясь по сторонамъ, и прислушиваясь къ каждому шороху.

— А что, насъ никто не видитъ? спросилъ шопотомъ графъ.

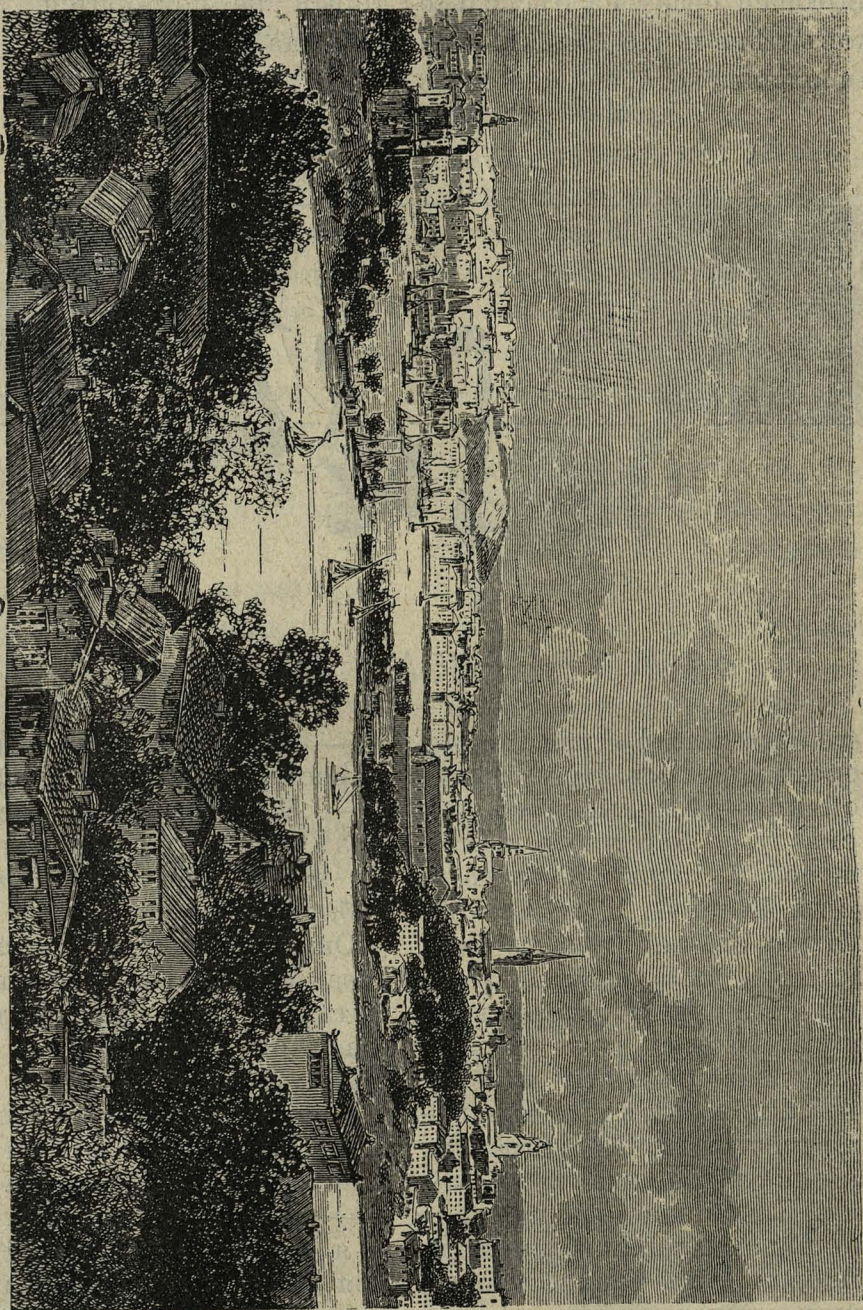
— Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчала также шопотомъ Жоржъ... Все въ замкѣ уже спятъ, къ тому-же собирается гроза.

Они вошли подъ вѣтви стараго вяза. Жоржъ взялъ лопату и сталъ рыть яму. Когда яма была готова, графъ опустилъ въ нее свою шкатулку, Жоржъ завалилъ ее землей и засыпалъ сверху опавшей листвою. Послѣ этого они отправились обратно въ замокъ.

— „Теперь, если меня схватятъ и я погибну, думалъ графъ,—то моя Жанна не останется безъ денегъ. Когда нибудь Жоржъ проберется сюда, выкопаетъ шкатулку и передастъ моей дочери“.

Накрапывалъ уже дождь и громъ

Городъ Стокгольмъ, въ Швеція.

На качеляхъ.

раскатывался по всему небу. Жоржъ сталъ упаковывать всѣ вещи своего господина и нужно было торопиться, чтобы успѣть перейти черезъ границу до утра.

— Я не боюсь за себя, сказалъ своему слугѣ графъ.—Мнѣ жалко мою малютку дочь. Если я умру, то она останется одна во всемъ свѣтѣ. Что съ ней тогда будетъ?

— Не безпокойтесь, г. графъ, отвѣтилъ Жоржъ.—Пока я живъ, съ нею не случится ничего.

Раздался оглушительный раскатъ грома и вслѣдъ за тѣмъ послышался вдругъ стукъ въ ворота замка.

— Именемъ короля! Отворите!

Жоржъ вздрогнулъ, выглянулъ въ окошко и при свѣтѣ молніи увидалъ вооруженныхъ людей.

— Это они! сказалъ онъ.—Стража короля! Спасайтесь, графъ!

Графъ выпрямился во весь свой ростъ.

— Я никогда не ослушался своего короля, сказалъ онъ.—Эти люди сказали сейчасъ „именемъ короля“—и я долженъ повиноваться! Нужно было-бы дѣйствовать раньше, чѣмъ я услышалъ эти слова.

Жоржъ сталъ его умолять.

— Бѣгите, г. графъ, умоляю васъ!.. Вѣдь все уже готово для вашего побѣга! Не теряйте времени!

Но въ это время снова раздался голосъ:

— Именемъ короля! Впустите!

Графъ остался непреклоненъ.

— Впустите ихъ! приказалъ онъ.

Жоржъ покорно пошелъ отворить.

Увидя передъ собой солдатъ и не зная за собою вины, графъ встрѣтилъ ихъ спокойно, скрестивъ руки на груди. Услышавъ

бряканіе оружія и шпоръ, въ комнату вбѣжала маленькая Жанна и въ страхѣ прижалась къ отцу.

— Намъ приказано васъ арестовать! обратился къ графу сержантъ.

— Арестуйте также и меня, сказала ему дѣвочка.—Я не хочу разставаться съ отцомъ!

— Но вѣдь его посадятъ въ тюрьму!

— Сажайте вмѣстѣ съ нимъ и меня!

Эти грубые люди, привыкшіе къ походамъ и къ войнѣ, тронулись этимъ героизмомъ дѣвочки и оставили ее при отцѣ. Они повели ихъ сначала въ Дижонъ, а потомъ на простой телѣгѣ повезли ихъ въ Парижъ. Слѣдомъ за ними поплелся туда-же со своей семьей и ихъ вѣрный слуга Жоржъ. Онъ долго искалъ ихъ тамъ, да такъ и не нашель.

— Ты промокла? спрашивалъ дѣвочку по дорогѣ графъ.—Тебѣ холодно?

— Нѣтъ, папа, отвѣчала ему Жанна.—Мнѣ только грустно, что у тебя не покрыта голова. Возьми мой платокъ и надѣнь его на себя!

Въ Парижѣ ихъ обоихъ посадили въ тюрьму и все время Жанна была около отца и старалась его утѣшить. А затѣмъ заперы въ тюрьмѣ загремѣли и въ келью графа отворилась дверь.

— Эй, ты! Дѣвчонка! вдругъ раздался грубый голосъ.—Выходи на свободу! Не приказано тебя здѣсь держать! Вонъ изъ тюрьмы!

Тюремщикъ грубо схватилъ Жанну за плечо и, не давъ ей проститься съ отцомъ, вышвырнулъ ее за двери и заперъ графа одного. Она плакала, не хотѣла уходить, но дѣ-

латъ было нечего, и графъ остался въ темницѣ одинъ.

— Папа, папа! кричала ему черезъ стѣну дочь.

— Мужайся, Жанна! отвѣчалъ ей отецъ.— Да благословить тебя Богъ!

Жанна безъ чувствъ повалилась на мостовую, а когда пришла въ себя, то былъ уже вечеръ и около нея не было никого. Она не знала того, что была очень богата и что всѣ драгоценности ея отца были закопаны въ паркѣ подъ старымъ вязомъ. Она была во всемъ Парижѣ теперь одна, безъ копѣйки денегъ и не нужная никому. Что теперь съ нею будетъ? Куда ей идти? Ея замокъ очень далеко отъ Парижа и все равно въ немъ живутъ теперь другіе, такъ какъ король отнялъ его у ея отца и передалъ другимъ.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? спрашивала она себя.

Шла мимо какая-то женщина, тронулась ея несчастнымъ видомъ и подобрала ее къ себѣ. Но средства ея были ничтожны, она голодала сама и потому на слѣдующій день она сказала:—

— Иди, милая дѣвочка, въ пріютъ! У насъ въ Парижѣ есть такіе пріюты, куда принимаютъ бездомныхъ дѣтей!

Она рассказала Жаннѣ, какъ найти пріютъ, и, послѣ долгихъ расспросовъ, дѣвочка нашла его и была принята туда, какъ сирота. И дочь графа Вальдека должна была тамъ мыть полы и стирать бѣлье и за это ей давали корку хлѣба и чашку горячей воды. Она безропотно переносила свою судьбу и старалась позабыть свое горе въ трудѣ. Тѣло ея похудѣло отъ

постояннаго недоѣданья, щеки стали блѣдны, глаза ввалились глубоко и руки въ безсиліи стали опускаться, какъ плети. И никто-бы не узналъ въ ней прежней Жанны, которая еще такъ недавно бѣгала по тѣнистымъ аллеямъ парка и звонко щебетала въ нихъ, какъ птичка. Мимо нея проходили люди, проѣзжали экипажи и въ этомъ громадномъ людскомъ муравейникѣ до нея не было никому дѣла и всѣ были для нея чужіе. Только однажды, когда она шла по улицѣ Сенъ-Дени, ей показалось что она встрѣтила бывшего слугу своего отца Жоржа. Онъ тоже, казалось, ее узналъ. Она хотѣла ему крикнуть, позвать его, расспросить его, что у нихъ дѣлается въ замкѣ, но толпа оттерла ее отъ него, подхватила ее и живымъ потокомъ увлекла ее далеко. Такъ ей и не удалось узнать, онъ-ли это.

А затѣмъ прошло нѣсколько лѣтъ. Наступила зима. Нависли тучи и стояли такіе холода, что на улицахъ горѣли костры. Иногда крупными хлопьями падалъ снѣгъ. Въ одинъ изъ такихъ дней по пустынной, захолустной улицѣ Парижа шла Жанна Вальдекъ. И вдругъ какая-то молодая дѣвушка, одѣтая въ лохмотья, съ блѣдными унылыми чертами лица, говорившими о тяжкихъ лишеніяхъ, выбѣжала изъ воротъ и протянула передъ ней руку.

— Помогите, мадамгазель, сказала она.— У меня умираетъ сейчасъ отецъ и намъ не на что купить лекарства. Цѣлый день я проходила съ протянутой рукой, просила Христа-ради, и мнѣ не подаль никто.

Жаннѣ стало ее жаль. Она вынула изъ кармана послѣднія свои деньги, которыя заработала стиркой бѣлья, и подала ей.

— Гдѣ живеть вашъ отецъ? спросила она.

— Въ этомъ самомъ домѣ, мадамуазель, отвѣтила нищенка.— Да сохранить васъ Богъ!

— Ведите меня къ нему. Вы устали. Я посижу около него вмѣсто васъ, а вы полежите немного и отдохните. Вѣроятно, вы не спали уже нѣсколько ночей.

По грязной, вонючей лѣстницѣ дѣвочки стали подниматься наверхъ. У самага чердака, подъ крышей, была плохо сколоченная дверь. Онѣ отворили ее и вошли. Въ низенькой комнаткѣ, похожей на гробъ, было угрюмо и бѣдно и въ углу на кучкѣ соломы лежалъ больной человѣкъ.

— Чѣмъ-бы я могла вамъ помочь? обратилась къ нему Жанна.

Больной тяжело вздохнулъ.

— Мнѣ теперъ уже не поможетъ ничто, грустно отвѣтилъ онъ.— Но мнѣ хотѣлось-бы еще пожить, чтобы исполнить то, что завѣщалъ мнѣ мой господинъ...

— А кто былъ вашъ господинъ? спросила Жанна.

— Графъ Вальдекъ... чуть слышно произнесъ больной.

Боже мой! У Жанны забилося сердце и потемнѣло въ глазахъ. Этой фамилии она не слыхала уже столько лѣтъ! Неужели этотъ человѣкъ зналъ ея отца?

Она склонилась надъ нимъ и схватила его за руку.

— О, говорите, говорите! сказала она.— Умоляю васъ!

Онъ покачалъ головой и слезы показались у него на глазахъ.

— Я былъ лакеемъ графа Вальдекъ, началъ онъ.— Когда на него послѣдовалъ доносъ, то онъ поручилъ мнѣ наблюдать за его богатствомъ и приберечь его сокровища для его дочери, если ему не суждено будетъ бѣжать за границу. И вотъ въ одну грозovou ночь къ намъ пришли въ замокъ люди короля и арестовали моего господина. Его увезли сюда въ Парижъ. Его дѣвочка-дочь послѣдовала за нимъ и исчезла вмѣстѣ съ нимъ въ одной изъ безчисленныхъ парижскихъ тюремъ. Я тогда-же отправился вслѣдъ за ними сюда въ Парижъ, долго искалъ ихъ и никакъ не могъ найти. Однажды я шелъ по улицѣ Сень-Дени и встрѣтилъ ее, мою милую маленькую Жанну. Какъ она, бѣдняжка, похудѣла, какъ была плохо одѣта! Я хотѣлъ ее окликнуть, но въ это время набѣжавшая толпа оттѣснила ее отъ меня и я потерялъ ее изъ виду. Но это дало мнѣ увѣренность, что она уже на свободѣ и все еще въ Парижѣ и что рано или поздно я встрѣчу ее вновь. И я рѣшилъ принести ей ея богатства сюда, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась. Въ одну темную ночь я явился къ замку, пробрался въ паркъ, добѣжалъ до стараго вяза и раскопалъ землю. Завѣтная шкатулка была еще тамъ. Я взялъ ее и повезъ съ собою въ Парижъ. Теперъ мнѣ оставалось только одно: найти дочь моего господина и передать ей богатство ея отца. Но чтобы мой господинъ, если онъ когда-нибудь выйдетъ изъ тюрьмы, зналъ, что эту шкатулку выкопалъ именно я, я написалъ записку слѣдующаго содержания: „Графъ! Шкатулка съ

содержимымъ — у вашего слуги Жоржа. Онъ сейчасъ въ Парижѣ ищетъ вашу дочь. Онъ живетъ на улицѣ Сень-Жакъ, № 28, и куда бы онъ потомъ ни переѣхалъ на другую квартиру, онъ всюду будетъ оставлять свой новый адресъ“. Эту записку я положилъ въ жестянку и закопалъ ее въ ту-же самую яму, гдѣ лежала шкатулка. Кой какія сбереженія, которыя мнѣ удалось сколотить на службѣ у графа, позволили мнѣ и моей дочери просуществовать нѣкоторое время безбѣдно. Моя жена скоро умерла. Но тщетные поиски, которые мы предприняли для отысканія несчастной Жанны, скоро истощили ихъ. Съ тѣхъ поръ для насъ началась борьба съ голодомъ и нищетой. У меня на рукахъ было цѣлое богатство, но я могъ лучше умереть, чѣмъ коснуться того, что составляетъ собственность моей молодой госпожи...

Больной закрылъ глаза и пересталъ говорить.

— Но ваше имя? спросила Жанна.—Какъ васъ зовутъ?

— Жоржъ... отвѣтилъ больной.

Теперь для нея было ясно все. Вся ея прежняя жизнь живо мелькнула у нея передъ глазами. И, склонившись еще ниже надъ больнымъ Жоржемъ, она приподняла его голову и тихо поцѣловала его въ лобъ. Слезы градомъ покатались у нея изъ глазъ.

— Жоржъ! Мой милый Жоржъ! воскликнула она.—Неужели ты не узнаешь свою маленькую Жанну? Вѣдь я—Жанна Вальдекъ!

Жоржъ поднялся на своей соломѣ и долго, пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Да, это вы... сказалъ онъ.—

Я узнаю васъ... Вы такъ похожи на вашего отца!

И, сложивши руки ладонями вмѣстѣ, онъ поднялъ глаза къ небу и тихо сталъ молиться.

— Теперь я могу умереть спокойно... сказалъ онъ.

И сдѣлавъ знакъ дочери, которая стояла тутъ-же и рыдала, какъ дитя, онъ что-то сказалъ ей на ухо. Она разгребла лохмотья, лежавшія въ кучѣ въ углу, и вытащила изъ-подъ нихъ дорогую шкатулку.

— Возьмите ее, моя молодая графиня... обратился къ Жаннѣ Жоржъ.—И да благословитъ васъ Господь!

Онъ откинулъ голову и повалился на солому.

Въ эту минуту послышались на лѣстницѣ чьи-то шаги и кто-то осторожно постучался въ дверь.

— Войдите! чуть слышно проговорилъ больной.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ самъ графъ Вальдекъ. Онъ былъ одѣтъ въ полную парадную форму и двое слугъ стояли позади него. Онъ сильно постарѣлъ и похудѣлъ и годы, проведенные имъ въ тюрьмѣ, наложили свой отпечатокъ на всю его фигуру. Постоявъ немного у двери, онъ узналъ наконецъ больного и подошелъ къ нему.

— Жоржъ! Мой милый Жоржъ! воскликнулъ онъ, а слезы такъ и полились у него по щекамъ.—Тебя-ли я вижу? Тебя-ли я наконецъ нашелъ? Я искалъ тебя цѣлый мѣсяцъ и только сейчасъ тебя нашелъ! Король узналъ, что меня оклеветали, онъ помиловалъ меня и возвратилъ мнѣ обратно всѣ мои владѣнія и титулы. Я хотѣлъ от-

копать подъ старымъ вязомъ шка-
тулку и вмѣсто нея нашелъ въ
жестянкѣ записку отъ тебя. И вотъ
по ней я тебя отыскалъ...

Больной приподнялся, погля-
дѣлъ на своего господина и лицо
его засвѣтилось улыбкой.

— Графъ... проговорилъ онъ. --
Неужели я вижу васъ? Неужели
это не сонъ?

И оба старика бросились другъ
къ другу въ объятія.

— Но гдѣ моя дочь Жанна?
спросилъ потомъ графъ.

— Вотъ она! указалъ ему на
Жанну больной.

А Жанна уже давно узнала
отца, не могла отъ радости ни
двинуться съ мѣста, ни сказать
слова и только едва стояла на но-

гахъ и держалась рукой за грудь,
стараясь унять бѣшеніе сердца.

— Жанна! Дитя мое! восклик-
нулъ графъ, вскочилъ на ноги,
бросился къ своей дочери и при-
жалъ ее къ сердцу.

Полчаса спустя, графъ и Жанна
благоговѣнно перевезли больного
въ одну изъ лучшихъ гостинницъ
Парижа, а затѣмъ наняли квартиру,
помѣстили его въ ней, пригласили
къ нему лучшихъ врачей и когда
мало-по-малу вѣрный слуга сталъ
поправляться и наконецъ выздо-
ровѣлъ совсѣмъ, то они перевезли
его къ себѣ въ свой прежній за-
мокъ. Тамъ они стали жить всѣ
вмѣстѣ и никто-бы не сказалъ, что
это графъ и его бывший слуга и что
ихъ дочери — не родныя сестры.

Гіальмаръ.

ВЪ ОСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Дождь льетъ съ утра... Во мглѣ туманной
Едва сѣрѣетъ голый лѣсъ
И рѣдко солнышко съ небесъ
Намъ шлетъ свой теплый лучъ желанный.

Дождь льетъ весь день... Повсюду лужи.
На землю съ крышь потоки льютъ
И самъ не знаешь, гдѣ пріютъ
Найти отъ сырости и стужи.

На голыхъ вѣткахъ виснуть слезы,
Поля покорно снѣга ждуть,
Но вотъ ужъ скоро — и придутъ
Къ намъ снѣгъ, метели и морозы.

Кузничикъ.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

Входя въ кладовую, булочникъ замѣтилъ за дверью мѣшокъ съ мукой; онъ подошелъ и развязалъ его; зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

(Предложилъ Валдайскій Колокольчикъ).

II.

Даны пять словъ: **носъ, ноги, брусъ, канатъ и катеръ**. Переставить въ нихъ буквы такъ, чтобы вышло:

- 1) изъ перваго—подобіе смерти.
- 2) изъ втораго—то, что бываетъ при горѣніи свѣчей.
- 3) изъ третьяго—стѣны избы или сарая.
- 4) изъ четвертаго—то, изъ чего дѣлаютъ въ избахъ полы и толки.

5) изъ пятаго—названіе человѣка, играющаго на сценѣ.

Первыя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить собою названіе дерева. Какое это дерево?

III.

Даны шесть словъ: **рамка, заборъ, колосъ, мука, норовъ, Марія**. Переставить въ нихъ буквы такъ, чтобы изъ нихъ вышли: 1) то, что наклеиваютъ на письма, 2) то, что вѣшаютъ въ комнатахъ на видномъ мѣстѣ, 3) хищная птица, 4) вос-

пріемница при крещеніи, 5) тоже хищная птица и 6) все войско.

Первыя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить названіе большого города. Какой это городъ?

IV.

Задуманы три слова означающія:--

- 1) нѣсколько сотъ солдатъ,
- 2) то, по чему течетъ рѣка,
- 3) то, что бываетъ всегда въ пирогахъ.

Взять отъ cadaго слова по первой и по послѣдней буквѣ и составить изъ нихъ три слога. Изъ этихъ слоговъ составить новое слово, которое означаетъ названіе очень извѣстной хищной птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

V.

Почему муха можетъ летать и въ саду, и въ комнатѣ, тогда какъ бабочка летаетъ только въ саду, а въ комнатѣ погибаетъ?

VI.

Зачѣмъ по утрамъ пьютъ кофе или чай?

VII.

Отчего электрической трамвай ходитъ быстрѣе, чѣмъ ѣздитъ извозчикъ?

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ для склеиванія (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОВОКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

3 р. 80 к.

Очень рекомендуется!

Книга для дѣтей,
„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала
„Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.